

ражения в числе можно видеть свойство множеств реальных вещей. Сравнение предметов вовсе не обязательно предполагает наличие понятия «число два». Сама вещь поначалу выступает представителем свойства: например, пять пальцев представляют свойство соответствовать определенному числу предметов, скажем, пяти яблокам. Лишь потом числа начинают выступать как стандартные множества вещей.

«Этот «переворот в методе», исторически сопряженный с превращением чисел из характеристики некоторых равнозначных друг другу множеств в особые, до всяких вещей и их множеств существующие «вещи», неизбежно ведет к мистике при метафизическом способе мышления, для которого логическое не включает в себя историческое, то есть определение предмета не включает истории его возникновения и развития»¹⁸.

В учении о понятии неокантианцев, на наш взгляд, нашел яркое выражение кризис методологических оснований естественных и гуманитарных наук. Поднятые ими вопросы остаются актуальными в современной логике и методологии науки.

¹ Кант И. Логика//Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 399—400.

² Виндельбанд В. К учению об отрицательном суждении//Виндельбанд В. Прелюдии. Спб., 1904. С. 351—374.

³ Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973. С. 35.

⁴ Виндельбанд В. Указ. соч. С. 365—366.

⁵ Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий Спб., 1903. С. 57.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Дедекнд Р. Что такое числа и для чего они служат? Казань, 1905.

¹⁰ Кассирер Э. Познание и действительность. Спб., 1912. С. 69.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1985. С. 325.

¹³ Наторп П. Логика: (Обоснование и логическое построение математики и математического естествознания). Спб, 1909. С. 47.

¹⁴ Уёмов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 66.

¹⁵ Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967. С. 219.

¹⁶ Яновская С. А. Методологические проблемы науки. М., 1972. С. 60.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. (Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 37—38.

¹⁸ Яновская С. А. Указ. соч. С. 42.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» И. КАНТА

И. Д. Коцев

(Калининградский государственный университет)

Наличие метафор и вообще образно-метафорического плана в таком сугубо философском произведении, каким является «Критика чистого разума», кажется несколько необычным. Однако это было бы справедливым, если бы мы имели в виду ме-

тафору как средство изобразительности художественной, хотя, впрочем, и таких метафор в «Критике...» достаточно. Если же иметь в виду метафору как средство выражения нового философского знания, нового «видения» мира, для сообщения о котором обыденный наш язык оказывается недостаточным, бедным, то такая метафора — вполне законное явление в философском произведении.

Как справедливо отмечают С. С. Гусев и Г. Л. Тульчинский, есть все основания утверждать, что на определенных этапах развития научного знания именно метафора порождает возможность выразить в языке, а значит сделать осознанной новую информацию о мире, что контекст «как если бы» позволяет снять многие явные и неявные ограничения на использование языка и соединять тот или иной признак с такими объектами, которым вообще-то не принято его приписывать, что оказывается эвристически плодотворным¹. Подобного же мнения придерживается и В. Л. Матросов, подчеркивая, что назначение такого рода метафор состоит в «наведении исследователей на еще неизвестные подобия и аналогии, в обнаружении сходства там, где оно ранее не было очевидным»².

Для наших целей можно считать удовлетворительным определение научной метафоры, которое дает вышеназванный автор, а именно: «Метафора — это такое средство, вернее, процесс, с помощью которого одна сущность или состояние описываются в терминах, которые изначально были предназначены для описания других вещей»³.

В применении к нашему материалу это означает, что, например, понятие, обозначаемое обиходным словом «чистый», в сочетании с понятием, обозначаемым словом «разум», дают новое единое понятие, выражаемое сочетанием «чистый разум», в котором слово «чистый» употреблено не в своем общепринятом, узуальном значении, а в переносном. Как отмечает С. С. Аверинцев, философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле⁴. Что такое разум, мы примерно себе можем представить, но что такое «чистый разум», мы, не зная сути дела, определить не можем. Сам Кант дает ему следующее определение: «Поэтому чистым мы называем разум, содержащий принципы безусловного априорного знания» (3, 120).

Понятие «чистый» является одним из ключевых понятий философии И. Канта, так как оно несет в ее контексте громадную концептуальную нагрузку. Сущность функции этого понятия в своей теории Кант определяет следующим образом: «Мы признаем, что вряд ли можно найти *чистую землю, чистую воду, чистый воздух* и т. п. Тем не менее их понятия необходимы (и, следовательно, эти понятия, что касается полной чистоты, имеют

своим источником только разум), чтобы надлежащим образом определить участие каждой из этих естественных причин в явлении. Так, мы сводим все виды материи к земле (так сказать, к одной лишь тяжести), к солям и горючим веществам (как силам), наконец, к воде и воздуху как [рычагам] (это как бы машины, при помощи которых действуют указанные вещества), чтобы согласно идее некоторого механизма объяснить химические действия видов материи друг на друга. В самом деле, хотя в действительности так не выражаются, тем не менее нетрудно обнаружить такое влияние разума на классификации, устанавливаемые естествоиспытателями» (3, 554).

Подобную же роль, как видно, Кант отводит и понятию «чистый разум», которое необходимо ему для объяснения механизма получения достоверного научного знания.

Этот термин был введен, по-видимому, также Кантом, так сказать, под «давлением» терминологической симметрии. Действительно, сразу же в начале изложения Кант вводит три имевшихся до него в философии термина: «априорный», «апостериорный» и «эмпирический». Оппозиция «априорный» — «апостериорный» требовала нахождения противочлена и термину «эмпирический». С введением термина «чистый» вся оппозиция принимает стройный вид: «априорный» — «апостериорный», с одной стороны, и «чистый» — «эмпирический» — с другой. Обе пары как будто дифференцированы и по своей семантике: первая характеризует знание относительно его источника, а вторая дает ему, скорее, качественную характеристику. Впрочем, это не всегда выдерживается последовательно.

Кроме того, термин «априорный», видимо, не совсем устраивал философа, так как был недостаточно строго определен. Он мог обозначать также и знания, полученные из опыта (см. 3, 106). Поэтому Кант нуждался в более точном, строго определенном термине, каким и явился термин «чистый». В частности, он определяет его так: «В свою очередь, из априорных знаний *чистыми* называют те знания, к которым совершенно не примешано ничто эмпирическое» (3, 106). Отметим следует также и такой немаловажный факт, как сочетаемость латинских терминов и немецких. Латинские не могут стоять, в частности, в препозиции к определяемому ими существительному, но только в постпозиции, что создает определенные неудобства при оперировании ими в тексте. Однако введение нового термина создало и определенные трудности. Дело в том, что оба они порой начинают употребляться Кантом то синонимично друг другу, то дифференцированно. Так, например, в одном месте суждение «Всякое изменение имеет свою причину» определяется как априорное, но не чистое, а в другом — как чистое априорное (ср. 3, 106 и 107). В целом же семантика термина «чистый» описывается Кантом через термин «априорный» как «безусловно априорный» или «совершенно априорный». Во всяком случае этот

термин содержит следующие постоянные семы: «внеопытный», «неэмпирический», «всеобщий» и «необходимый». Набор этих сем обогащается за счет семного состава того априорного понятия, вернее, того существительного, обозначающего данное априорное понятие, с которым определение «чистый» сочетается. Так, в сочетании с термином «рассудок» добавляются еще следующие семы: «способность мыслить», «способность априорно связывать», «способность производить синтетически суждение». Весь набор сем оказывается индивидуальным у каждого такого словосочетания, что говорит о его единстве.

Процесс терминологизации слова «чистый» проходит несколько этапов. Первый — это определение его через посредство определения какого-либо априорного понятия, например: «В свою очередь из априорных знаний чистыми называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое» (3, 106). Или: «Я называю «чистыми» (в трансцендентальном смысле) все представления, в которых нет ничего, что принадлежит ощущению» (3, 128). Затем происходит переход слова из состава предиката в состав субъекта, образуя устойчивое терминологическое сочетание с определяемым им словом: «Сообразно этому чистая форма... будет находиться в душе a priori» (3, 128). Полученное сочетание может затем получить дальнейшее определение, в частности, посредством другого такого же сочетания: «Сама эта чистая форма чувственности также будет называться «чистым созерцанием» (3, 128), что также свидетельствует о нем как о единой терминологической единице с единым значением.

Вступая таким же образом в сочетания с другими существительными, обозначающими априорные понятия, слово «чистый» очерчивает тем самым своим значением все пространство априорного мышления, образуя лексико-семантическое поле языковых единиц (словосочетаний) с терминологическим значением, компонентом которого оно неизменно выступает, например: чистое представление, чистая апперцепция, чистый синтез, чистое созерцание, чистая идея, чистое мышление, чистое пространство, чистое время, чистая форма и т. д. Также трех- и более членные сочетания: чистые производные понятия рассудка, предикабили чистого рассудка и др. Интересно отметить, что все эти термины являются словосочетаниями, что обусловлено их метафорикой, так как метафора, как известно, строится на сравнении как минимум двух понятий, т. е. терминология Канта в значительной мере строится на метафорическом принципе.

Так как априорные понятия помимо их чистого имеют еще и эмпирическое применение, для которого они, собственно, предназначены, то лексико-семантическому полю априорности противопоставляется сопряженное с ним поле эмпирического мышления (опыта). Это лексическое поле образуется группировкой словосочетаний — терминов с постоянным первым компонентом-

словом «эмпирический», например: эмпирический рассудок, эмпирическое понятие, эмпирическое представление, эмпирическое познание, эмпирическое созерцание, эмпирический закон и т. д. Также сочетания, состоящие из более чем двух членов: эмпирическое единство сознания, эмпирический синтез рассудка и др. Можно сказать, что терминология Канта имеет в «Критике...» полевой характер. Оба поля суммарно выражены противопоставлением «чистый» — «эмпирический». Эта оппозиция может быть развернута с помощью более частных оппозиций: необходимый — случайный, объективный — субъективный, единый — разрозненный, объективно значимый — субъективно значимый и др.

Поле опыта вместе с полем априорности очерчивают рассудку гносеологическое пространство ассерторичности и аподиктичности, в пределах которого чистые понятия рассудка получают предметность, объективность и истинность. За пределами этого поля понятия оказываются проблематичными, лишенными предметности, т. е. пустыми.

Таким образом, группировка словаря «Критики...» по его трансцендентальному содержанию позволяет заключить, что его структура в целом отражает концептуальное содержание всего произведения. Эта связь проявляется в целенаправленном отборе лексики определенной семантики, а также в высокой степени частотности в тексте группировок слов, несущих трансцендентальное содержание и связанные с ним коннотации.

Трансцендентальное содержание пронизывает не только лексику, но и само словоупотребление. Кант пытается выявить также трансцендентальный характер внутренней формы употребляемых им слов. Так, внутреннюю форму слова «понятие» он раскрывает следующим образом: «Уже само слово «понятие» могло бы дать нам повод к такому замечанию. В самом деле, это одно сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразное, постепенно даваемое в созерцании и затем воспроизведенное» (3, 704), т. е. понятие есть многое, синтезированное в одно представление. А внутренняя форма слова *einbilden* раскрывается им как «приводить к единому (одному) образу» (*in ein Bild bringen*). У Канта в этой связи читаем: «Это воображение должно сводить многообразное [содержание] созерцания в один «образ»; следовательно, до этого должно включать впечатления в сферу своей деятельности, т. е. схватывать «их» (3, 713). Подобный же смысл вкладывается Кантом и в понятие «объект»: «Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием» (3, 195). Или: «...и всякое созерцание для того, чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию [синтетическому условию], так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединялось бы в одном сознании» (3, 195). Термин «объективный» также означает «подчиненный определенному правилу априорного синтеза». Познать что-либо означает «указать

понятию соответствующее ему созерцание, предмет». Глагол «понять» означает в трансцендентальном смысле «созерцать нечто в соответствии с каким-либо объектом». Даже такие языковые единицы, как слова «один» и «все», трансцендентальны по своей сущности: они соотносятся как форма и содержание, как априорное начало и эмпирическое (явление). «Все» и «одно» необходимо связаны, как связаны «всякое эмпирическое сознание» и «трансцендентальное самосознание».

Употребление слов с пространственной семантикой для обозначения чисто умозрительных вещей у Канта столь же метафорично, так как объектом описания является система априорного мышления, а языковые средства, употребляемые при этом, служат обычно описанию понятий других наук и прежде всего математики. Отсюда у Канта много «математических», «физических», «географических» и т. д. терминов — метафор. С их помощью он реализует важный принцип своего учения о необходимости давать абстрактным понятиям соответствующий им объект в созерцании. Так геометрическое понятие линии используется для наглядного представления о таких понятиях, как время, и связанных с ним понятий внутреннего изменения. В частности, Кант говорит следующее: «...ведь для того, чтобы сделать мыслимыми внутренние изменения, мы должны образно представить себе время как форму внутреннего чувства посредством некоторой линии, а внутреннее изменение — посредством проведения этой линии (посредством движения) и, стало быть, последовательное существование нас самих в различных состояниях — посредством внешне-го созерцания...» (3, 298).

Понятие точки используется Кантом как средство образного представления трансцендентального единства всех понятий рассудка, обусловленного регулятивной функцией трансцендентальных идей. Например: «...Но зато они [трансцендентальные идеи] имеют превосходное и неизбежно необходимое регулятивное применение, а именно они направляют рассудок к определенной цели, ввиду которой линии направления всех его правил сходятся в одной точке, и, хотя эта точка есть только идея (*focus imaginarius*), т. е. точка, из которой рассудочные понятия в действительности не исходят, так как она находится целиком за пределами возможного опыта, тем не менее она служит для того, чтобы сообщить им наибольшее единство наряду с наибольшим расширением» (3, 553).

С понятием точки тесно связано у Канта понятие «горизонт», он говорит о том, что «всякое понятие можно рассматривать как точку, которая как точка зрения наблюдателя имеет свой горизонт, т. е. определенное множество вещей, которые можно представить и как бы обозреть из этой точки...» (3, 562). Термин «горизонт» становится метафорой также в сочетании «логический горизонт», под которым понимается видовое понятие и ко-

торое, в свою очередь, состоит из более мелких логических горизонтов (т. е. подвидов понятия). Столь же метафоричны и сочетания «логическое место» и «трансцендентальное место». Под первым понимается всякое понятие, под которое подведено множество знаний. Второе подразделяет все априорные понятия на феномены и ноумены в зависимости от того, мыслятся ли они в рассудке или в чистом созерцании.

Отношение между совокупностью всех предметов познания и понятием разума об этой совокупности представляется в виде отношения между плоскостью и воображаемым горизонтом, охватывающим эту плоскость. Так Кант поясняет: «Совокупность всех возможных предметов для нашего познания представляется нам в виде плоскости, которая имеет свой кажущийся горизонт, а именно то, что охватывает ее всю (3, 631).

Таким образом, метафорическое значение и образность являются результатом взаимодействия терминов, взятых из эмпирических наук, с трансцендентальным уровнем описания понятий. Происходит как бы ретерминологизация, т. е. вторичная терминологизация терминов конкретных наук путем их переосмысления и приспособления к нуждам трансцендентальной философии. При этом конкретные термины расширяют свою семантику, а абстрактное понятие приобретает наглядность и конкретность. Интересно отметить, что корпус текста, где речь идет о регулятивной функции трансцендентальных идей, окрашен модальностью «как если бы», т. е. происходит смена текстовой модальности. Об этом, в частности, говорит и частое употребление слов типа *wie* (как), *gleichsam* (как бы), *als* (как), *scheinbar* (кажущийся), *als ob* (как если бы), глаголов *scheinen* (казаться), *vergleichen* (сравнивать) и других средств.

Наконец, необходимо остановиться вкратце и на еще одном виде образности в «Критике» — образности художественной. Система этих образов также отражает содержание произведения как строго продуманного целого. Выражению этого аспекта служит образ некоего, строящегося в мышлении здания, имеющего свою архитектонику (систему), свой материал (чистые формы мышления), свой фундамент (возможный опыт) и т. д. Антитетика разума, логическая борьба тезисов и антитезисов сравниваются с рыцарским турниром, в котором каждый участник хорошо вооружен оружием разума и вправе рассчитывать на победу. Но предмет спора оказывается мнимым, и оба оказываются целыми и невредимыми. Сама «Критика чистого разума» предстает как здание суда, где происходит судебное разбирательство всех споров разума; при этом судебный процесс покоится на правовом состоянии и заканчивается приговором, который должен обеспечить вечный мир.

Итак, образно-метафорический план «Критики чистого разума» тесно связан с самой сущностью учения И. Канта. Его наличие обусловлено необходимостью выражения нового философи-

ского содержания, а также принципом наглядности, конструктивной экспликации сугубо умозрительных построений с помощью понятий других, конкретных наук, что приводит к явлению вторичной терминологизации, переосмыслению известных терминов. Метафоричность — одна из особенностей терминологического творчества философа. Принцип метафоризации приводит к образованию целых группировок слов и словосочетаний, образующих лексико-семантические поля: поле априорности, поле опыта, поле ассерторичности, ноуменального поля и т. д. Все поля вместе образуют систему взаимоотношений, структурно отражающих содержание всего произведения. Кроме того, существуют группировки слов с «трансцендентальной коннотацией», свидетельствующие о том, что вся лексика данного произведения контекстуально окрашена под влиянием специфического содержания. Художественная образность, представленная в произведении, также тесно связана с концептуальным содержанием произведения; фрагменты текста с данной образностью выполняют, как правило, функцию ретроспекции и проспекции.

¹ Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 94—95.

² Матросов В. Л. Язык и метафора // Логика и язык: Сб. науч. тр. М., 1985. С. 47.

³ Там же. С. 52.

⁴ Аверинцев С. С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии: Сб. М.: Наука, 1979. С. 52.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СИСТЕМАМИ ФИЛОСОФИИ ФИХТЕ И ШЕЛЛИНГА В СООТНЕСЕНИИ С РАБОТАМИ РЕЙНГОЛЬДА, ИМЕВШИМИ ЦЕЛЮ ОБЛЕГЧИТЬ ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ФИЛОСОФИИ В НАЧАЛЕ 19-го СТОЛЕТИЯ

Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, доктора философии.

Работа «Различие систем философии Фихте и Шеллинга» (*Differenz der Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie*) обычно в литературе вопроса называется кратко «Работа о различии» («*Differenzschrift*»), была написана молодым Гегелем в июне-июле 1801 г. и опубликована осенью того же года. На русский язык переводится впервые.

В январе 1801 г. Гегель из Франкфурта-на-Майне переехал в Иену, средоточие философских умов того времени не только Веймарского герцогства, но и всей Германии. Уже три года здесь был профессором местного университета молодой Шеллинг, и после того как в 1799 г. клерикалы добились ухода из Иенского университета Фихте, центральной фигурой духовной жизни Иены на некоторое время стал Шеллинг. Он ведет активную переписку с Фихте, и между ними стали прорисовываться все большие различия в истолковании тенденций дальнейшего развития принципов трансцен-